

Автор: Сергейцев Т. (Латвия)

I

Перед современным человеком стоит вопрос — относится ли он серьезно хоть к чему-нибудь. Или — говоря иначе — выражает ли его жизнь что-то, есть ли у нее содержание. Человек вызван и призван. Но знает ли он об этом? И если да, знает ли, к чему призван?

Этот вопрос при кажущемся тождестве с вопросом о смысле жизни не имеет с последним ничего общего. Что, в принципе, ясно уже из самого различения смысла и содержания — но дело тут не только в понятиях, не только в логике. Смысл жизни якобы ищется самим человеком. Якобы он сам должен наделить жизнь — и не вообще, а только свою, собственную, этим самым смыслом. Но принадлежит ли жизнь человеку? Даже весь человеческий род — лишь элемент жизни. Если уж наделять смыслом, то именно жизнь, жизнь в целом, всю жизнь, а не «мою». Но жизнь разумна — доказательством тому, как минимум, человек. Но тогда, может быть, наделение жизни смыслом — дело самой жизни, а не мое? Тупик тут очевиден.

За то, что мы в нем находимся, надо сказать спасибо многим, в том числе Канту. Гуманизмом (либерализмом) подняты были на щит тезисы о том, что человек не может быть средством, что он должен быть целью, а также о том, что «нравственный закон» находится «внутри нас». Почему «внутри»? Потому что «снаружи» государство и власть — а с ними лучше не сталкиваться? И где это — «внутри»? В теле? В мозгу? Что значит, что человек становится целью? Как минимум — то, что он становится предметом новой, «гуманитарной» власти, о которой много писал Фуко, но немцам и до него все было ясно. Ведь человек как цель чего-то иного — предмет для преобразования. А возможно ли оно? Ведь если нет — то цель такого «преобразования» в действительности цель самого жестокого насилия, которого не знал Древний Рим. Это хорошо выразил Антуан Арто. Институты этого насилия сегодня — не только всевозможная «психология», но вообще весь корпус социально-гуманитарных, «антропных» техник. Человек же, являющийся целью для самого себя, всего лишь эгоист, потребитель и мерзавец, воспетый Айн Рэнд, пусть даже и гениальный. Но ему тоже придется сдохнуть, несмотря на стволовые клетки, расшифровку генома и прочее. Впрочем, этот самодостаточный индивид смерти как раз и не признает — через идею неограниченного технического продления конкретно своей «жизни». Жизнь ли это?

Отказ человеку в праве быть средством лишает его судьбы. Ведь судьба снимает противопоставление цели и средства. Предназначение, призвание, т.е. судьба — она и то, и другое. Нет судьбы — нет человека. И не только — нет тогда и богов.

Человек есть знак. Его жизнь — слово. Его назначение — обозначать, выражать нечто. И тогда есть то, к чему он относится серьезно.

II

Георгий Петрович Щедровицкий (23.02.1929 — 03.02.1994) — ученик и последователь А. Зиновьева, первого русского пост-марксиста, сам русский пост-марксист, философ, создатель течения в русской философской и научной мысли, известного как «системо-мыследеятельностная методология», претендующего на то, чтобы сменить эти самые философию и науку. Известен в кругах дискуссии как ГП. Это его имя как живого. Так будем его называть и мы.

ГП считал, что он должен выразить проблему современности. Под современностью мы понимаем Новое Время, время науки, время декартовского субъекта, проникшего к сегодняшнему дню далеко за пределы философских башен из слоновой кости и лабораторий, во все области общественной и частной жизни, во все страны планеты. К этому субъекту мы еще вернемся. То, что Шпенглер называл «закатом (Европы)», а сейчас политкорректно именуется «кризисом», во что вовлечен практически каждый индивид (человек) — либо отдающийся этому «кризису» со всей страстью саморазрушения, либо пытающийся противостоять ему — ГП назвал «проблемой». Т.е. ситуацией, не имеющей решения — в отличие от «задачи». Его постулат состоял в том, что именно эта ситуация является основанием для мышления. Человек обязан мыслить именно потому, что решения нет. И мыслить должен каждый.

При этом ГП не уставал иронично повторять слова Ульдалля о том, что мышление встречается так же редко, как и танцы лошадей, ему так же сложно научить и научиться, и нужно оно людям приблизительно в той же степени. Помимо бытового или социального контекста эта его присказка указывала на существенное обстоятельство нашей современной европейской ситуации. Мы во всем полагаемся на науку. Энтузиазм, с которым Зиновьев и ГП приступили к своей судьбе, был первоначально вызван сугубо научным интересом: речь шла о том, чтобы создать науку о мышлении. Для Зиновьева эта установка осталась в рамках традиции — этой наукой для него осталась логика, а позже — социология. ГП же оказался в рефлексии — установка на науку о мышлении при последовательном осуществлении привела его на первом этапе к пункту «необходимости» — мышлению о науке. На это ушли годы. Здесь не место

систематически излагать полученные выводы, но главный вывод ГП не уставал повторять до конца жизни — наука не мыслит. К этому же выводу — пусть и другим путем — пришел Хайдеггер, произносивший его как крамолу. ГП начал, таким образом, как еретик научной веры.

Воспользуемся анализом Хайдеггера, чтобы обозначить ситуацию. Основной постулат науки (Нового Времени и всей его идеологии) утвержден Декартом. Он заключается в метафизическом полагании субъекта. Существует только субъект, все остальное — как данные ему предметы. Объективное — только способ существования предметного (предметов), отсчитываемый от субъекта. Субъект существует благодаря очевидности самого себя себе. Ему нет нужды себя полагать, а значит — и усомневаться. Субъект усомневается все помимо себя. Субстанцией своего существования как самоочевидности субъекта является когитация, мышление. Мышление, таким образом, предметом стать не может. Мышление вообще — «в» субъекте. Субъект занял в метафизике место Бога, которое не могли занять никакие метафизические построения греков. Так свершилась Революция — и социальная в том числе. Человек теперь должен стать субъектом. Или просто объявить себя им. ГП часто повторял, что человек существовал в средние века, но в Новое Время был разрушен. Это не значит, что быть человеком невозможно. Но придется постараться... Не каждый становится человеком.

III

ГП не уставал повторять тезис Маркса из «Тезисов о Фейербахе» о том, что философы лишь объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы изменить его. Он применял его к себе. Что это было для ГП? Ясно, что не социальная революция — она в СССР зашла дальше, чем где-либо. Думаю, тут важен «мир» как мыслительная, философская категория. Наука — т.е. субъект — никакого «мира» не имеет: мир для нее попросту не существует. Все предметы — это не части целого, из них ничего нельзя сложить, кроме

«картины мира» — ничего существующего самого по себе. Предметы все связаны с субъектом и только через него. Восстановить мир, его существование — значит преодолеть науку, значит преодолеть метафизику субъекта.

Жизнь ГП стала утверждением новой метафизики. Тут нет ничего специального — это обязательное требование для того, кто взялся за подобное дело. Метафизика, ее рождение и развитие должны стать содержанием жизни, делом. Иначе никакой метафизики не получится.

Маркс обозначил «негативную» метафизическую область, созданную субъектом науки. Это труд. Область расходования жизненных сил человека, лишаящая человека его сущности, а точнее — заранее ее лишенная. Метафизика труда как негативная метафизика — вклад Маркса в проблематизацию Нового Времени. То обстоятельство, что конкретный анализ Маркса проходил через экономическое, т.е. через промышленную революцию, через социальные эффекты науки, ставшей техникой (реализованной наукой), часто заслоняет суть его метафизической критики. Это следствие и того, что Маркс не создал новой метафизики, лишь намекал на нее в слове «деятельность». Поэтому ответ Маркса о решении «кризиса» — утопический, т.е. несуществующий. Раз человек объявил себя «Богом», но удалось социально приблизиться к этому статусу только немногим, то нужно, чтобы это смогли сделать все. Утопия коммунизма — всего лишь экстраполированная в область равенства реальность капитализма. Просто плоды науки должны достаться всем. Как следствие опосредованного характера критики Марксом европейской метафизики социологическая специфика организованного наукой (техникой) социума у Маркса оказалась размыта общей социологией власти — которая была до, во время и будет и после господства науки. Маркс посчитал, что украденная у пролетариев сущность человека оказалась у буржуа. Но дело-то в том, что она также украдена и у последних, как и у первых — субъектом Декарта.

Невозможно вернуть человеку его сущность, не произведя деконструкцию и демонтаж субъекта, опираясь на новую метафизику. Если человеку вернется его сущность — то труд исчезнет. А что появится? Во что будет вовлечен человек? ГП считал, что это деятельность. Именно метафизику деятельности как пост-научную (и пост-марксистскую соответственно) создавал ГП.

IV

Человек не сам по себе. Не субъект. Хотя за собственную, «внутреннюю» историю Нового Времени субъективации было подвергнуто все, что возможно: социум — с появлением «класса», государство — с появлением «нации», индивид — с появлением целого букета «статусов» совершенно нечеловеческого свойства (ЛГБТ, люди, подключенные к машинам, потребители, зоо-гибриды, а в обозримом будущем — черт знает что еще). Все эти реализованные субъекты претендуют на человека. И возможно, кое-что худшее еще впереди.

Ветхий завет утверждает, что человек был сотворен (путем эволюции?) и направлен в мир (путем первородного греха?); а также — что он может и должен вернуться. Это пространство метафизического закрыто для субъекта его собственной самоочевидностью. Но проблематизация субъекта возможна уже начиная с того, что человек все-таки — в мире. Таков его текущий статус. Существование человека вне мира — не сфера философии (о науке и речи нет, хотя именно для нее — он вне мира по определению), а сфера веры и теологии — насколько последняя вообще возможна. Но вот вспомнить о мире (а заодно — о своем назначении в нем) человек и может, и должен с помощью возрождения философии. Правда, эта философия должна быть в состоянии произвести декомпозицию и демонтаж науки, не просто отвергнуть, а преодолеть последнюю, «включить в себя», объяснить и заново применить. Примерно так, как эйнштейновские принципы относительности включают в себя галилеевские. Деконструкция и демонтаж науки — практически программа проблематизации субъекта. Сделать это может только принципиально новая философия. ГП назвал ее методологией.

V

Формула методологии была, в конечном счете, выведена ГП как мышление о мышлении о мире. В науке мышление отождествляется с методом и как таковое некритично. Критикуется лишь предметное знание. Это вовсе не значит, что в науке правят факты. ГП очень часто цитировал Галилея — если факты противоречат моим теориям, то тем хуже для фактов. В 60-е годы прошлого века «методологи науки» — Имре Лакатос, Томас Кун, Карл Поппер — уже показали, соответственно, что за каждым доказательством следует опровержение, что любая научная теория имеет ядро веры — парадигму, что научно только опровергаемое утверждение, а оно всегда будет рано или поздно опровергнуто. Итак, наука не имеет дела с истиной — и отношения к ней. Это, собственно, значит, что наука не мыслит. Она лишь строит предметные знания. Субъект знает свой предмет.

Наука — это произвол метода. Упаковав метафизику в субъект, наука освободилась от нее и сделала метод своим основным полем. Но наука не ограничивает метод, метод — свобода субъекта. Важны лишь результаты, появление предмета. Методологию ГП строит как дисциплину (ума, жизни), подвергающую метод критике, сомнению, проблематизации и специальной работе с ним, сохраняющую значение метода и в рамках результата. Для этого метод рассматривается как форма мышления, а само мышление — как тонкое (в смысле материи) знаковое воспроизводство деятельности, как имитация деятельности, как ее воспроизводство. В конечном счете, мышление как судьба человека, как то, во что он осознанно вовлечен, конструируется в виде системы основных интеллектуальных функций — понимания, рефлексии, мысли-коммуникации, мысли-действия и чистого мышления в операциях со знаками. ГП потребовал поставить целью новой философии — методологии мышления — синтез знаний. Это требование есть требование восстановления онтологии как рабочей метафизики, как мира, которому дан человек. Знания, привязанные к предметам, т.е. связанные через субъект, для синтеза непригодны. Отсюда требование распрямления, выхода за пределы сущего (вещей, предметов) к существованию, бытию. Это требование выдвинул и Хайдеггер. Методология должна сменить тип знаний на деятельностный.

Наука (субъект) знает лишь предметы. Мира для нее (него) нет. Но жизнь человека, его экзистенция (специфическое, человеческое существование) невозможна вне мира и без него. Поэтому наука (субъект) вынуждены выдумывать суррогат мира, его «картину», без самого мира в наличии, в действительности. Это и есть идеология — то, против чего

ополчается Поппер, но без чего наука (и субъект) не могли бы защитить своего доминирующего социального положения, своей узурпированной власти.

Наука родилась в лоне веры. Чтобы занять место Бога, надобно для начала вообще знать, что Бог существует. При всех гениальных догадках греков этого иудейского, а позже — и мусульманского, арабского — знания у них не было. Как не было и христианского знания о воле Бога пойти человеку навстречу, говорить с ним и открываться ему. Поэтому науки у греков не было. Но наука покинула свое лоно, как, впрочем, и оно отвергло ее — благодаря усилиям идеологов с обеих сторон. Идеология доминирующего положения науки в социуме, захвата ею власти известна как Просвещение. За изгнание науки из пространства веры ответственна католическая идеология, средство утверждения христианской веры как власти. В то время как наука имеет в пространстве веры собственную функцию — истребление суеверий. Именно так ее позиционирует православие. Простой отказ от науки не имеет смысла. Наука, субъективность — одна из возможностей уподобления образу божьему. Но нужно разобраться в том, чего наука (техника, субъект) не может (не могут) в принципе, причем, как любил говорить Маркс, в сугубо посюстороннем смысле. На эту работу ГП потратил свою жизнь.

VI

Социально ГП не был диссидентом, это значило бы для него осознанно деградировать, идти вспять историческому процессу. Культурно ГП был против системы. Он повторял, что не может быть единомыслия — только едино-немыслие. Он считал, что система нуждается в развитии и без такового не выживет. История показала, что он был прав. ГП был могильщиком научной идеологии (не науки), утопических построений коммунизма, но не был репрессирован коммунистической церковью, был лишь отлучен от нее и лишен «сана» (членства в КПСС). Что закономерно — там разобрались, к чему он

клонит. Но он никогда не стал бы свергать власть и разрушать государство или саму коммунистическую церковь. Это — варварство и вандализм. Поэтому ему дали работать — самому по себе, вне кафедры и университета, с теми, кто захочет заниматься методологией на тех же условиях, что и он. ГП — как и Хайдеггер — осознавал, что его программа в культурной части требует периода 300-500 лет, но для ГП это совсем не большой и совсем не подавляющий срок. *Vita brevis, ars longa*. Наверное, чтобы преодолеть Просвещение, нужно время, сопоставимое с его утверждением. На этот счет у ГП был принцип, достойный самых впечатляющих церковных образцов: заняв позицию, двигайся сколько сможешь. Тем самым ты, возможно, утвердишь свою противоположность, которая окажется истиной. Это единственный путь для человека. ГП делал доклады, длящиеся десять-двадцать часов. У него могла пойти носом кровь. Но он не останавливался — просто подставлял стакан, который постепенно наполнялся до краев (об этом рассказывал мне П. Щедровицкий как о моменте, который его травмировал как сына). ГП же говорил, что такие усилия трудны только в первые два-три года. А остальные пятьдесят лет — привыкаешь.

Но у ГП была и социальная программа. Труд, согласно ей, действительно необходимо заменить деятельностью. Он создал в общих чертах и даже значимых деталях проект такой замены и способы его реализации — схемы и принципы деятельности, в том числе организационно-управленческой и педагогической. В реализации этого проекта ГП видел будущее государственного капитализма СССР. Он любил говорить — ну эксплуатируйте уже нас наконец-то! Дайте нам реализовать наше главное право — работать! Социальная (проектная) программа ГП больше известна как «организационно-деятельностные игры». Она стартовала в 1979 году с весьма замечательной с точки зрения сегодняшнего «рынка» темы («Разработка ассортимента товаров народного потребления для Уральского региона»), коснулась практически всей тематики экономики, образования и науки в прикладных приложениях, фактически предсказала Чернобыль и угасла вместе с распадом СССР. Осенью 1993 года, после расстрела парламента, стало окончательно ясно, что не только государство уменьшилось, но и окончательно нами отвергнут всякий мыслительный, немецкий путь развития, всякая культурная и цивилизационная претензия, что будет выкорчевана всякая школа мысли вообще, что нас накрыла волна самой примитивной идеологии деградации, изготовленной в США, что месть Нового Света Старому целиком достанется нам. К концу зимы 1994-го ГП не стало. Есть два страха смерти. Первый — перед посмертием, т.е. собственно страх божий. Второй — перед непродолжением, неисполненностью, несостоятельностью жизни. О первом — в отношении ГП — судить не нам. Что же до второго — если жизнь ГП и не исполнилась, то ее неисполненность совпала с неисполненностью нашей истории. Но это значит, что у нас есть шанс на продолжение. ГП же историей жил, ему это удалось.

Вообще, чтобы понять ГП, нужно помнить о немецких культурных корнях нашей научной и философской (а также государственно-правовой) мысли. ГП и Зиновьев подхватили нашу русскую немецкую (именно так!) традицию, воспользовавшись «приоткрытой дверью» марксизма, вернув ему действительный статус философского движения — вместо чисто религиозного почитания в рамках светской веры. И сделали они это, двинувшись дальше, за пределы Маркса, что стремились сделать многие европейские философы XIX и XX века, но удалось это немногим, таким как Ницше и Хайдеггер. Но очень многие люди, вовлеченные в методологическое движение, в этом совсем не разобрались, примкнули к движению в поисках либо интеллектуального развлечения, либо индивидуальной выгоды, т.е. на сугубо неолиберальных, как теперь легко сказать, основаниях. Люди, которых ГП скорее всего мог бы назвать своими последними учениками, не приняли его наследия, не переняли школы. Они не повторили дело, начатое Зиновьевым, ГП, Мамардашвили и Грушиным. Коллективная мыследеятельность не стала делом «наследников», их жизнью. Их тоже было четверо — С. Попов, С. Наумов, Ю. Громыко и П. Щедровицкий. ГП сформулировал им свое философско-методологическое «завещание» осенью 1986 года, на организационно-деятельностной игре в Красноярске. «Перестройка» шла полным ходом, и, возможно, ГП уже было ясно, что он не успеет за бешеными темпами разрушения государства со своей социальной программой, предполагавшей существование страны в периоде хотя бы еще двадцати-тридцати лет (похож этим на Столыпина). Речь в «завещании» шла о создании прикладных методологических служб, главным условием которого, рамкой было восстановление и реконструкция «большой» истории и своего места в ней. Ключом к этому был принцип, введенный ГП в самом начале его пути — всегда реконструировать «малую» историю — историю своего мышления. У бенефициаров этого его траста, «наследников», дело ограничилось несколькими дискуссиями. Возникла, в частности, тема «жизнедеятельности». С. Наумов, увлекшись своими экстрасенсорными способностями и экспериментами с животными, вскоре эмигрировал в Индию, где впоследствии и умер (хотя, как теперь представляется, тему жизнедеятельности логичнее было бы раскрывать через анализ экономики и хозяйства). Ю. Громыко занялся получением ученой степени и ушел параллельно в православную идеологию (есть и такая). Дуэт-тандем С. Попова (он был ведущим в тандеме) и П. Щедровицкого продержался до 1989-го, породив ряд интересных и сегодня прикладных эпизодов, после чего распался — по инициативе С. Попова. Но уже в 1986–1989 годах в совместных работах С. Попова и П. Щедровицкого была нерелексивно заимствована либеральная идеология, не имеющая ничего общего с линией развития немецкой школы, заданной ГП. После разрыва 1989 года С. Попов и П. Щедровицкий взяли курс на использование методологического движения для создания своих малых частных предприятий. Любопытным элементом их дизайна стало, в конечном счете, требование личной преданности сотрудников и немыслимость какого-либо партнерства. Впоследствии Ю. Громыко верно подметил, что методологи проиграли перестройку экономистам.

VII

ГП учредил мыслительный способ и образ жизни. Но он не требовал ему следовать и не изъяснял его как таковой. Этим он был бесконечно далек от желания создать фактическую религиозную организацию. Участники организованной им дискуссии — Московского методологического кружка — следовали за ним по собственному выбору. Уставая — уходили. Но позже некоторые пожелали и учить. Вот тут уже речь пошла о личной преданности, разделении «мы и весь остальной мир», а также о том, что с учителем нужно существенно делиться доходами. Что, по А. Дворкину, есть признаки тоталитарной секты. Все это не имеет к ГП никакого отношения.

ГП принципиально не обсуждал свой этос. Он вообще запрещал обсуждать тематику этики и нравственности, справедливо полагая, что ее рефлексивное забалтывание в современном мире есть обоснование безнравственности, неэтичности и аморальности. Он требовал осуществлять свою установку, под которой подразумевал установку на мышление. Не имеющий метафизики, не стремящийся к ней — не может быть и нравственным, не может быть человеком. А ведь именно метафизика проблематизирована Новым Временем.

Самыми страшными ругательствами для ГП были — «натурализм» и его «высшая» форма — «психологизм», придание своим (и чужим) эмоциям и желаниям статуса существования без идеализации и проблематизации.

ГП считал, что человек и может, и должен сам определить, к чему он относится серьезнее, чем к своей жизни. Он называл это самоопределением. Это и есть способ жизни в условиях проблемы и проблематизации. Так он и прошел свою жизнь. Этому

можно было учиться — как тому, чему мы можем научиться только у другого человека. В конечном счете заразительны не знания, не понятия, а порыв и пафос. Мы не слышали голоса Маркса, этого язвительного еврея, протащившего в немецкую мысль английскую идейную контрабанду, знаем только его печатное слово. Но голос ГП можно услышать и сейчас. Он впечатляет. ГП не стремился иметь учеников. Он очень часто повторял, что нужно жить и жизнь давать другим, а мертвые пусть хоронят своих мертвецов (именно так). Тех, кто уж очень сильно докучал ему вопросами о человеке — за пределами рабочих концепций его «Педагогике и логики», а, так сказать, в конфессиональном контексте — он всегда отсылал к «Феномену человека» Тейяра де Шардена, единственной в своем роде, как он говорил, книге. Мне кажется, он больше хотел бы стоять не после Маркса, а после де Шардена.

Собственную жизнь ГП прокомментировал в интервью длиной в книгу, которую нельзя не порекомендовать всем, кто хотел бы понять не только ГП, но и вообще нашу сегодняшнюю ситуацию — и русскую, и вообще европейскую. Эта книга называется «Я всегда был идеалистом». А. Зиновьев, а вслед за ним и ГП, сохранили в России немецкую школу мысли, которая после Второй мировой войны была разгромлена и в самой Германии, и в ее культурных провинциях, заменена на американские вторичные и третичные производные. К нам же американизация пришла только в 1990-х, уже в сильно ослабленном и карикатурном виде. Эта школа русских пост-марксистов — наше достояние и исторический ресурс. Возможно — наш шанс, — вместе с нашим характером, что предсказывал еще Шпенглер.

По дороге из Протвино в Москву ГП спросил меня — кем я в принципе хочу стать. Я ответил — инженером. Он сказал: тогда методология — это то, что Вам нужно. Так и вышло. Правда, инженерия оказалась много шире ловли нейтрино, чем я тогда занимался в составе многотысячного коллектива Института физики высоких энергий. Сейчас для меня в нее включена и политика. Получилось, что я сделал то же, что и ГП — перешел «с физфака на философский». ГП не был тут образцом — к этому я пришел сам. Но таким образом я его понимаю. У меня переход занял гораздо больше времени, чем у него. Возможно потому, что моя юность проходила в куда более комфортных условиях позднего СССР, чем его — послевоенная. Но не все, что происходит медленно — плохо. ГП часто говорил, что читать больше одной страницы философского текста в день — это онанизм.

Был ли ГП платоником, раз он сам себя считал в конечном счете идеалистом? Александр Гербертович Раппопорт, участник круга методологических дискуссий, организованных ГП, автор фундаментальной методологической работы «Проектирование без прототипов», делясь со мной замыслом своей книги о ГП (не знаю, написана ли она), выдвигал гипотезу, что ГП — метафизик деятельности — это Гераклит нашего времени. Хайдеггер, в поисках выхода за пределы метафизики Нового Времени, метафизики субъекта (в высшей ее точке — сверх-человека, сверх-власти) обращался к анализу и пониманию досократиков, Парменида и Гераклита. Мне это направление понимания ГП кажется более адекватным, чем встречающееся сравнение его с Сократом, которое представляется мне поверхностным. Драму европейской мысли Хайдеггер понимает в том числе как противопоставление философов и поэтов, осуществленное Платоном, его последствия. Платон детально прописал репрессии против поэтов (и поэзии) в «Государстве». Первым философом такого типа стал Аристотель. Мне кажется, в рамках этой драмы важное место занимает и жизнь ГП. Здесь я покидаю начатую тему, посвящая жизни ГП, ее содержанию следующие мои слова.

VIII

Диалог поэтов с Платоном
Сорвав хитон и соскочив с котурнов,
Я проору, перекрывая хор,
Что шоу шло лишь до тех пор недурно,
Пока в театр не затесался вор.
Жест есть каркас — каркас для тела чувства.
Игра — скелет истории людей.
И наши маски — это суть искусства,
Они обратны стороне идей.
Философы, вы, пасынки поэтов,
Нас отрицая, обрекли себя,

Вопросы зная, не узнать ответов,
Слова беспомощно, как бисер, теребя.
Жизнь не украсть. Властям не стоит верить.
Стиль есть единство знака и вещей.
И даже если вы способны все измерить,
Бессмертие ужасно, как Кашей.
Из слова хлещет жизнь. И мы вернем природе
Все то, что вы забрали у нее.
Мы рождены, чтоб создавать народы,
Вы — оставлять после себя жнивье.
Мы вас не отрицаем. Мы совместно
Пойдем на крест. И много тех крестов.
Но кто без нас замесит это тесто
И испечет основу всех основ?
Непримиримость гласных и согласных
Глупа. Но вместе им под силу речь.
Дать пальму первенства одним — опасно:
Концлагеря, санобработка, печь.
Над нами всеми есть великий повар.
И хлеб его имеет свой рецепт,
Известный всем. И нам не нужен сговор.
Мы умираем с маской на лице.
Гони философов из зрительного зала,
Хотят вещать — на сцену путь открыт.
Мы — лишь актеры. Но не театралы.
И принцип жизни нами не забыт.
Спектакль конечен. Есть последний выход.
И темнота кулис, исходное Ничто,
Всегда нас ждет. Мы к ней давно привыкли.
Все повторится. И опять пройдет.
Мы листья пальмы заменили вербой.
Враги ценней друзей. И мы станцуем вальс
Большой войны. И летчик Аненербэ
Оставит мне свой летный аусвайс.